

ФЕНОМЕН МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А.П. Беседин

ТРЕБОВАНИЕ ВНИМАНИЯ ДЛЯ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ*

Беседин Артем Петрович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории зарубежной философии философского факультета. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4; e-mail: a.besedin@hardproblem.ru

Статья посвящена исследованию эпистемического условия моральной ответственности. Эпистемическое условие понимается в диспозициональной форме: возложение ответственности уместно только в том случае, если агент находился в эпистемической позиции, подходящей для получения релевантного для моральной ответственности знания. Выбор диспозициональной трактовки эпистемического условия обосновывается при помощи четырех мысленных экспериментов, показывающих неудовлетворительность актуалистского понимания этого условия. Главный вопрос статьи касается того, какой именно должна быть эта эпистемическая позиция. В статье приводится критика понятия ответственности со стороны Н. Леви, предполагающая, что мы никогда не оказываемся в эпистемической позиции, требуемой для моральной ответственности. Кратко рассматриваются две линии ответа на критику Леви: подход обоснованности ожиданий и атрибутивистский подход. При помощи анализа мысленного эксперимента выявляется условие базового знания морально значимой ситуации, при дальнейшем анализе которого открывается требование внимания как условия моральной ответственности. Под вниманием понимается способность перенаправлять свои когнитивные ресурсы на разные задачи. Далее демонстрируется моральное значение внимания: исследуется невнимательность как извиняющий фактор, показывается связь внимания и таких феноменов моральной жизни, как забота и уважение. В статье показано, что требование внимания предполагает наличие определенного контроля над вниманием. Делается вывод о том, что введение требования внимания дает ответ на критику Леви, которая предполагает, что у нас нет контроля над психологическими состояниями, ведущими к действиям. Это не так, поскольку контроль над вниманием выполняет эту функцию. В заключении обсуждаются перспективы дальнейших исследований: изучение понятия контроля над вниманием, связи моральной ответственности и сознания и рассмотрение требования внимания в контексте эпистемологии добродетелей.

Ключевые слова: моральная ответственность, эпистемическое условие, внимание, действие по незнанию

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-78-10044 «Феномен моральной ответственности», <https://rscf.ru/project/21-78-10044/>

Для цитирования: Беседин А.П. Требование внимания для моральной ответственности // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 1. С. 146–159.

Необходимые условия моральной ответственности

Обычно в исследовательской литературе выделяют два условия моральной ответственности (МО) – условие контроля и эпистемическое условие.

Условие контроля (УК). Возложение моральной ответственности уместно только в том случае, если агент контролирует (или контролировал в релевантный момент) то, за что на него возлагается моральная ответственность¹.

Эпистемическое условие (ЭУ). Возложение моральной ответственности уместно только в том случае, если агент находился в такой эпистемической позиции, из которой ему в достаточной степени было доступно релевантное знание о том, за что на него возлагается моральная ответственность².

Эти формулировки требуют дальнейшего уточнения. В случае с контролем может возникнуть вопрос, контроль какого типа требуется для МО. В случае с ЭУ нужно выяснить, знание чего именно требуется от агента, а также знание какого рода. Варианты ответа на вопрос о предмете знания включают знание о совершении действия, о моральном статусе действия, о последствиях и о доступных альтернативах. Необязательно принимать все четыре пункта как необходимые условия МО. В отношении типа знания важен вопрос о том, нужно ли для МО актуальное знание или диспозициональное³.

ЭУ и УК необязательно рассматривать как независимые друг от друга условия. Некоторые авторы⁴ полагают, что ЭУ должно быть включено в УК: мы не можем контролировать то, о чем мы совершенно не осведомлены, и поэтому контроль над действием всегда осуществляется из подходящей для этого эпистемической позиции. Это наблюдение тем не менее не подрывает принятого деления условий: упомянутые философы считают УК, включающее в себя ЭУ, достаточным условием МО, тогда как мы будем понимать ЭУ как необходимое.

В дальнейшем будет предполагаться, что для МО требуется именно диспозициональное знание. Это уже выражено в принятой нами формулировке ЭУ: агент должен находиться в эпистемической позиции, из которой ему доступно релевантное (актуальное) знание (именно это имеется в виду под диспозициональным знанием). Можно легко показать, что мы интуитивно принимаем, что актуального знания (в момент совершения действия у агента есть осознаваемое релевантное для моральной ответственности убеждение) недостаточно для МО. Для этого рассмотрим примеры, соответствующие знанию о совершении действия и об альтернативах (именно эти примеры потребуются нам в дальнейшем), в которых актуальное знание отсутствует, но мы все равно полагаем, что агент несет МО.

¹ Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т. Этика и метафизика моральной ответственности // Этическая мысль / Ethical Thought. 2021. Т. 21. №. 2. С. 7–8.

² Там же. С. 9.

³ Rudy-Hiller F. The Epistemic Condition for Moral Responsibility // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2018 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/moral-responsibility-epistemic/> (дата обращения: 22.08.2022).

⁴ Ekstrom L.W. Free Will: A Philosophical Study. Boulder (CO), 2000. P. 211; Levy N. Hard Luck: How luck undermines free will and moral responsibility. N.Y., 2011. P. 110.

Незнание I: незнание о действии. Офисный работник, как обычно утром, нажимает на кнопку включения своего компьютера, однако в этот момент он не осознает того, что, если он это сделает, это приведет к тому, что электриком получит удар током. Между тем он был предупрежден, что этим утром проводятся ремонтные работы и электроприборы включать нельзя.

Незнание II: незнание альтернатив. Врач назначает пациенту лечение, имеющее неприятные побочные эффекты, не зная о том, что достаточно давно существует более современный способ лечения, не имеющий побочных эффектов.

В этих примерах мы склонны приписывать МО агентам, которые не обладают актуальным знанием о фактах, важных для МО.

Представим себе, что персонажи приведенных выше сценариев пытаются снять с себя МО, ссылаясь на актуальное незнание соответствующих обстоятельств. Сама по себе эта стратегия может быть успешной: действительно, если агент не мог знать (находился в неподходящей эпистемической позиции) о том, что он совершает действие, о его моральном статусе, о последствиях, об альтернативах, мы должны его извинить. Соответствующие примеры достаточно очевидны, поэтому я не буду их приводить. Однако в случаях незнания I и II мы отклоним оправдание агента, сказав примерно следующее: «Ты должен был помнить, понимать, предвидеть, знать». В связи с этим возникает, пожалуй, главный вопрос к диспозиционально трактуемому ЭУ: что именно означает требование типа «Ты должен был знать»? Иначе говоря, в какой именно эпистемической позиции должен был находиться агент, чтобы нести МО? Ответ на этот вопрос важен ввиду того, что критик понятия МО может попытаться показать, что мы никогда не находимся в такой эпистемической позиции. По этому пути идет Нил Леви.

Жесткая удача Нила Леви

Аргумент жесткой удачи Леви⁵ основан на следующем тезисе: «Наши действия (прямо или косвенно) являются либо продуктами конститутивной удачи, либо наличной удачи, либо их обеих»⁶. Под конститутивной удачей понимается набор факторов, определяющих то, кем мы являемся (наш характер, привычки и т.п.). Леви показывает, что эти факторы почти никогда от нас не зависят. Наличная удача проявляется в ситуации конкретного выбора и, опять же, связана с вмешательством неподконтрольных нам факторов. Любой проступок, по Леви, может быть объяснен при помощи этих двух видов удачи, которые исключают МО агента. Леви концентрируется на порицаемых действиях, поскольку именно они являются главным предметом рассмотрения в литературе по МО и именно против сохранения практики применения негативных моральных реакций выступают критики МО.

Леви считает, что ЭУ должно быть включено в УК, а контроль, требуемый для МО, Леви называет релевантным. «Релевантный контроль предполагает (а) психологический контроль над нашими действиями, такой, что,

⁵ Краткое изложение этого аргумента дано в: *Беседин А.П.* Клещи удачи Нила Леви против компатибилистских теорий моральной ответственности // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 3. С. 26–37.

⁶ *Levy N.* Hard Luck. P. 94.

если наши ментальные состояния рационализируют планируемое действие (при этом рационализировать действие – значит делать это действие лучшей альтернативой, доступной агенту, с точки зрения самого агента), если агент действует намеренно, то он совершит рационализированное действие; и (b) контроль над психологическими состояниями, которые рационализируют действие, такой, что, если действие рационализируется психологическими состояниями агента, агент заслуживает порицания за это действие только в том случае, если он или она заслуживает порицания за приобретение или сохранение психологических состояний, которые его рационализируют»⁷. Удовлетворение этих условий оказывается проблематичным в случаях незнания I и II; в особенности это касается условия (b). Возьмем сценарий I: на наше возражение «Ты должен был помнить», офисный работник может апеллировать и к наличной удаче («Меня отвлекли и поэтому я забыл»), и к конститутивной («Я забывчивый человек и ничего с этим не поделаешь»), и эти оправдания будут правдивыми (ведь мы предполагаем, что офисный работник именно забыл о ремонте электросети, а не причинил вред монтеру намеренно). Мы можем продолжить настаивать на том, что офисный работник должен был принять меры, чтобы предотвратить эти влияния удачи, однако он может возразить, что не мог здесь и сейчас контролировать психологическое состояние, приведшее к нажатию на кнопку. Он не мог просто взять и вспомнить, что из-за этого действия человека ударит током, не мог сделать так, чтобы его не отвлекли, не мог перестать быть забывчивым. Это значит, что он не мог соблюсти условие (b).

Такую аргументацию Леви распространяет практически на все случаи морально порицаемых действий: «Когда агент действует аморально, это часто происходит потому, что он считает, что он делает что-то морально правильное, либо потому, что не придает морали должного веса, ошибочно полагая, что соображения морали перевешиваются в конкретном случае соображениями благоразумия (или какими бы то ни было). Поскольку в таких обычных ситуациях агенты действуют так, как, по их мнению, они должны действовать, мы, по-видимому, можем считать их заслуживающими порицания за свои действия, только если мы можем порицать их за их ложные убеждения. Порицание агентов за ложные убеждения (еще раз, с точки зрения принятой нами перспективы контроля) предполагает обнаружение затемняющего (benighting) действия – действия, которым агент осознанно и свободно лишил себя возможности получить знание и из-за которого он ответственен за свое незнание... Очень часто подходящего кандидата на роль затемняющего действия нет»⁸.

Авторы статьи «Этика и метафизика моральной ответственности» мотивируют свой выбор диспозициональной формулировки ЭУ, используемой также и в этой статье, приблизительно такими же соображениями: «Речь не обязательно идет об актуальном знании агента... но о том знании, наличия которого было бы уместно требовать от агента в его положении. В этом отношении особую роль играют причины незнания. Предполагается, что если агент не знает чего-то по причинам, за которые он сам несет моральную ответственность, то он является ответственным и за действия, обусловленные этим незнанием; если же за причины своего незнания он не несет

⁷ Ibid. P. 5.

⁸ Ibid. P. 131.

ответственности, то и за обусловленные этим незнанием действия ответственность может быть с него снята... Если [незнание врача] обусловлено тем, что в студенчестве вместо изучения предмета он предпочитал кутить в компании друзей, то он несет ответственность за некорректное лечение, поскольку он несет ответственность за причины, обусловившие его незнание»⁹. Проблема здесь в том, что мы попадаем на новый виток обсуждения происхождения убеждений нашего студента-медика. Можно задать вопрос в духе Леви: «Почему студент прогуливал пары?». По-видимому, мы должны признать, что эта опция казалась ему в тот момент наилучшей и мы проваливаемся в регресс: объяснение одного затемняющего действия требует отыскания другого затемняющего действия¹⁰.

Кажется, что регресс этот может быть прерван акратическим действием агента: «Затемняющие действия имеют место тогда, когда агент осознанно лишает себя возможности приобрести знание при полном понимании потенциальной важности этого знания. В таком случае агенты действуют вопреки принимаемым им суждениям относительно того, как лучше поступить, и поэтому действуют акратически»¹¹. Леви показывает, что акратические действия несвободны и агент не несет за них МО¹². Поэтому акратические затемняющие действия не могут быть источником МО за последующее незнание. Для целей настоящего исследования примем этот вывод Леви. В вышеприведенной цитате из Леви говорится, что порицаемые аморальные действия часто (но, можно предположить, не всегда) следуют из незнания агента. Единственную серьезную альтернативу незнанию составляет акрасия. Поскольку и то, и другое снимает МО, получается, что мы никогда не несем МО за свои проступки.

Некоторые подходы к ответу на аргумент жесткой удачи

Случаи, в которых незнание не снимает ответственности, часто разбираются в литературе, и подходы, применяемые к ним, могут быть использованы против аргумента Леви. Для целей данной статьи достаточно будет выделить две группы подходов.

Во-первых, это подход обоснованности ожиданий. Требование типа «Ты должен был знать, помнить, предвидеть X» сторонниками этого подхода часто трактуется так: от агента можно было обоснованно ожидать, что он знает, помнит, предвидит X¹³. (В этой статье при использовании выражения «должен был...» всегда будет иметься в виду «от агента можно было обоснованно ожидать...»). Важной чертой такого подхода является историчность: источником МО агента за последующее действие, совершенное по незнанию, является предшествующее затемняющее действие. Ответственность наследуется первым от второго. Этот тезис разделяет и Леви.

⁹ Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т. Этика и метафизика моральной ответственности. С. 9–10.

¹⁰ Подробнее о регрессе такого типа см.: Rudy-Hiller F. Op. cit.; Wieland J.W. Introduction // Responsibility: The epistemic condition. N.Y., 2017. P. 12–20.

¹¹ Levy N. Hard Luck. P. 153.

¹² Ibid. P. 133–154.

¹³ FitzPatrick W.J. Unwitting wrongdoing, reasonable expectations, and blameworthiness // Responsibility: The epistemic condition. P. 29–32.

Главный вопрос к этой теории касается формулировки критерия обоснованности ожиданий: когда ожидания являются обоснованными? Некоторые философы утверждают, что для того, чтобы можно было обоснованно предполагать наличие у агента соответствующего знания, достаточно, чтобы агент обладал определенными способностями и возможностями (*saracity*) получить это знание. Далее необходимо уточнить, как именно трактовать эти способности¹⁴.

Другие полагают, что одних лишь способностей и возможностей недостаточно, и используют для усиления своей позиции инструментарий эпистемологии пороков. Они указывают на то, что изначальное затемняющее действие должно было быть проявлением эпистемического порока¹⁵. Такая точка зрения представляется автору данной статьи наиболее перспективной ввиду того, что она дает возможность комплексно рассмотреть характер агента (моральный и интеллектуальный), проявляемый в действии. Кроме того, она позволяет с самого начала привнести нормативность в ЭУ. Так или иначе, Леви может попытаться ответить на приведенные выше стратегии: наши способности и интеллектуальные пороки также являются продуктами удачи, не контролируются нами и поэтому исключают МО.

Другой вариант – это атрибутивистский подход. Атрибутивисты считают, что история, приведшая к совершению действия, неважна для МО. «Атрибутивисты считают, что оценки моральной ответственности касаются в основном того, можно ли атрибутировать действие (или бездействие, черту характера или убеждение) агенту для целей моральной оценки, что обычно означает, что действие (или бездействие и т.д.) отражает “установки чувствительности к суждению” агента (Скэнлон), “оценочные суждения” (А. Смит), или, более широко, его “моральную личность” (Иероними)»¹⁶. Таким образом, мы порицаем агента за действие, совершенное по незнанию, не потому, что история этого действия восходит к затемняющему действию, заслуживающему порицания, а потому, что здесь и сейчас в действиях агента проявляется черта моральной личности агента, заслуживающая порицания.

Такая простая формулировка атрибутивизма ведет к контринтуитивным следствиям. Изменим случай II. Предположим, что доктор назначает пациенту лечение, имеющее побочные эффекты, потому что он не мог знать о существовании альтернативы. Кажется, что в этом случае мы не должны его порицать. Атрибутивист может уточнить свою позицию и согласиться с этим: этот врач не заслуживает порицания, потому что в его поступке проявляется добрая воля и именно она составляет предмет моральной реакции. Элизабет Харман полагает, что одним из критериев оценки качества воли агента является забота о важных с моральной точки зрения обстоятельствах¹⁷. Если врач достаточно заботился о получении данных о новых методиках лечения, но по объективным причинам не получил их, его не следует порицать. А доктор из примера II заслуживает порицания потому, что проявил недостаточную заботу о здоровье пациента.

¹⁴ Clarke R. Ignorance, Revision, and Common Sense // *Ibid.* P. 233–251.

¹⁵ FitzPatrick W.J. Unwitting wrongdoing, reasonable expectations, and blameworthiness. P. 32–37.

¹⁶ Talbot M. Moral Responsibility // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2022 Edition). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2022/entries/moral-responsibility/> (дата обращения: 22.08.2022).

¹⁷ Harman E. When is Failure to Realize Something Exculpatory? // *Responsibility: The epistemic condition.* P. 123.

Леви посвящает целую главу ответу на атрибутивистские аргументы¹⁸. Главный его вывод состоит в том, что тот тип МО, который допускают теории качества воли (этим термином он обозначает атрибутивистские теории), не является общепринятым и интуитивным. Обычно под МО, с точки зрения Леви, мы имеем в виду более сильный тип ответственности, чем просто оценку моральной личности агента.

В дальнейшем рассуждении мы попытаемся занять среднюю позицию между двумя обозначенными подходами. Важным представляется внимание атрибутивистов к качеству воли агента, проявляемому в поступке здесь и сейчас. В то же время стоит признать и законность возражения типа «Должен был знать» в значении «Можно было обоснованно ожидать», но с одной оговоркой: нужно отказаться от его исторической трактовки ввиду того, что наследование МО от ранее совершенных действий к последующим в принципе проблематично и не необходимо для объяснения МО¹⁹.

Сформулируем точку зрения, принимаемую здесь: оправдания могут быть историческими, отсылающими к прошлому, но МО агент несет ответственность непосредственно за то, что делает здесь и сейчас. В сценарии II альтернатива для нерадивого врача – не в том, чтобы вернуться в прошлое и заставить себя учиться лучше, а в том, чтобы не назначать пациенту лечение с побочными эффектами. Вместо этого он мог принять меры для поиска других методик или передать пациента другому врачу. МО может быть снята на основании отсылки к прошлым обстоятельствам (и обсуждение оправдания агента может касаться того, что агент сделал или не сделал, и чего от него можно было обоснованно ожидать), но если она не снимается и если агент заслуживает порицания, то он заслуживает его именно потому, что совершил именно такой поступок в настоящий момент.

Требование внимания

Рассмотрим следующий пример:

Случай со шкафом. Ольга попала в знакомую всем нам ситуацию: она хотела достать что-то из шкафа, но из-за этого на нее вывалилось все его содержимое. И теперь она пытается удержать вещи от падения и не может положить их обратно. В это время в комнату заходит Саша. Ольга окликает его, но Саша, не смотря на нее, берет со стола папку бумаг и уходит. Условия в комнате были достаточно хороши для того, чтобы Саша мог заметить Ольгу в трудном положении, он мог услышать ее оклик. В итоге Ольга была вынуждена бросить все вещи.

Этот пример можно трактовать как случай незнания: Саша не знал о том, что Ольга находится в комнате. Ольга может возразить: «Ты должен был обратить на меня внимание». Отвечать на эту претензию Саша может по-разному. Предположим, что его поступок не был злонамеренным игнорированием Ольги, и что он контролировал свои действия. Сведем круг возможных ответов Саши к двум сценариям, отсылающим к несоблюдению ЭУ:

¹⁸ Levy N. Hard Luck. P. 180–212.

¹⁹ Vargas M. The trouble with tracing // Midwest studies in philosophy. 2005. Vol. 29. No. 1. P. 269–291; King M. Tracing the Epistemic Condition // Responsibility: The epistemic condition. P. 267–280.

Саша и обман зрения. Саше показалось, что у шкафа стоит просто вешалка с одеждой, а оклик Ольги идет из коридора, поэтому он сразу же и вышел из комнаты.

Невнимательный Саша. Саша просто не заметил Ольгу и не слышал ее оклика. Ему не показалось, что у шкафа стоит вешалка (он даже не смотрел в эту сторону), он не выделил слова Ольги из окружающего шума.

Предположим, что именно сценарий «Невнимательный Саша» имел место. Его можно истолковать как случай незнания, но каков именно предмет этого незнания? Лучшим вариантом будет незнание о совершении действия, а действие, за которое Ольга вменяет вину Саше – это неоказание ей помощи. Соответственно, Саша может ответить, что просто не знал, что, заходя в комнату и беря папку, не помогает Ольге. Хотя этот вывод можно признать в целом верным, следует обратить внимание на некоторые детали.

Во-первых, случай «Невнимательный Саша» отличается от случая «Саша и обман зрения». Относительно последнего также будет корректно утверждать, что Саша не знал о совершении им интересующего нас действия. Но между двумя этими ситуациями есть существенное различие: в «Обмане зрения» Саша видел фигуру у шкафа и слышал оклик Ольги, однако неправильно оценил эти данные; в случае же «Невнимательного Саши» он даже не обратил внимания на те свидетельства, которые должны были указать ему на присутствие Ольги в комнате. Таким образом, есть разница между ситуацией, в которой агент обращает внимание на факторы, важные для МО, но неправильно их интерпретирует, и ситуацией, в которой агент не обращает на них внимания.

Во-вторых, случай «Невнимательный Саша» отличается от «Незнания I» тем, что в примере I действие агента само было причиной удара монтера током; мы можем порицать офисного работника за то, что он нажал на кнопку. В «Невнимательном» Саша также совершает некоторое действие – он берет папку со стола, что не является причиной того, что он не помог Ольге, или последующих неудобств с выпавшими вещами. Ольга может порицать Сашу за то, что он взял папку *вместо* того, чтобы помочь ей, а не за то, что он просто взял папку. В этом отношении случай «Невнимательный Саша» больше похож на «Незнание II», чем на «Незнание I»: в обоих сценариях мы можем порицать агентов за то, что они *не* сделали что-то.

Можно предположить, что здесь мы сталкиваемся с еще одним типом незнания – неосведомленности о морально значимой ситуации как таковой. Этот тип незнания не соответствует пятому предмету знания, который можно было бы добавить к четырем уже упомянутым. Он лежит на более базовом уровне, поскольку наличие у агента некоторого адекватного представления о ситуации является условием четырех других типов знания. Назовем этот тип знания *базовым знанием о морально значимой ситуации*. Базовое знание относится к обстоятельствам, в которых действует агент.

Чтобы проиллюстрировать понятие базового знания, можно использовать пример: древний рабовладелец знает, что у него есть рабы, что он распорядится их жизнями, что рабы живут в плохих условиях и т.д. У рабовладельца в этом случае есть базовое знание. Дальше можно ставить вопрос о доступности ему знания о моральном статусе его действий, о знании альтернатив и прочем.

Таким образом, мы можем включить базовое знание о моральной ситуации в категорию релевантного знания, упоминаемого в нашей формули-

ровке ЭУ. Но наш главный вопрос касается прояснения требований к эпистемической позиции, из которой агенту доступно релевантное знание. Автор данной статьи предполагает, что ключевую с моральной точки зрения роль в приобретении этого знания играет внимание.

Требование внимания (ТВ). Возложение МО уместно только в том случае, если агент находился в такой эпистемической позиции, в которой он в достаточной степени в-контролировал²⁰ свое внимание.

Невнимательность часто ведет к отсутствию у агента актуального базового знания и через него – к отсутствию знания других типов. Однако ТВ касается не только базового знания: оно накладывает ограничение на эпистемическую позицию, из которой агент получает знание всех типов (так незнание врача в случае II может проистекать из его систематического невнимания к открытиям в его области). Автор статьи смог обнаружить только одно возможное исключение: кто-то может настаивать, что знание о моральном статусе действия приобретается интуитивно. Обсуждение именно базового знания в связи с ТВ обусловлено тем, что требование внимания относится к эпистемической позиции агента и является наиболее базовым, а также легче всего выявляется в случаях отсутствия у агента базового знания, в которых он несет МО. Далее будет показано, что ТВ имеет моральное значение и его соблюдение необходимо для получения релевантного знания.

Моральное значение внимания

Читатель может возразить, что ТВ является тривиальным. Можно также выдвинуть требование восприятия, памяти или мышления. Все это способности рационального агента, который только и может нести МО.

Внимание, о котором здесь идет речь, понимается в наиболее базовом смысле, как когнитивная способность: «Под вниманием подразумевается способность направить когнитивные ресурсы на определенное событие»²¹. Тем не менее можно попытаться показать особое значение внимания для МО.

Во-первых, можно указать на то, что невнимательность к морально значимой ситуации действительно может снимать МО с агента. Предположим, что у Саши большая радость: он совершил открытие, претендующее на Нобелевскую премию. Из-за этого он не может думать ни о чем другом. Или, предположим, что у Саши случилось большое горе и он от этого сам не свой, ничего не видит вокруг себя. Если это действительно так, то извинение через отсылку к невнимательности может быть принято. Можно также указать на ограниченный объем нашего внимания²². Если мы вынуждены выполнять несколько задач сразу, внимание рассеивается, и мы можем не заметить чего-то важного. Это также может служить оправданием.

Во-вторых, ТВ можно понимать не только как условие внимания для моральной ответственности, но и буквально как требование со стороны другого субъекта. Определенное распределение внимания в базовом значении этого термина лежит в основании заботы и уважения: если мы проявляем

²⁰ О понятии в-контроля будет сказано ниже.

²¹ Баарс Б., Гейдж Н. Мозг, познание, разум: введение в когнитивные нейронауки: в 2 т. Т. 1. 5-е изд. М., 2021. С. 420.

²² Там же. Т. 2. С. 12.

заботу в отношении кого-то, мы проявляем больше внимания к этому человеку. Как бы примитивно это ни звучало, проявление заботы о человеке или уважение к нему означает в том числе и то, что мы просто на него смотрим, слушаем его с большим вниманием и т.д. Категории уважения и заботы важны для всестороннего понимания моральной ответственности. Понятие заботы используется в атрибутивистской теории Харман. На понятие уважения в связи с МО особое внимание обращает Стивен Даруолл.

Одной из основ современного подхода к МО является понятие реактивной установки – моральной реакции, которая проявляется в ответ на действие агента. Даруолл помещает реактивные установки в контекст моральной теории, построенной в кантовском духе и опирающейся на понятие уважения. Даруолл указывает на то, что реактивные установки являются формами коммуникации, которые всегда выражают определенное требование к другому человеку как к личности²³. «[Реактивные установки] предполагают и неявно подчиняются тому типу авторитета... который не заслуживается и не зарабатывается, по крайней мере, прямо. Таким образом, я считаю, они выражают уважение к личности как таковой»²⁴. Проявляя реактивную установку (скажем, порицая кого-то), я признаю агента личностью и заявляю о своем требовании уважения с его стороны ко мне как к личности.

Именно поэтому мы называем ТВ именно требованием, а не просто условием МО. Оно представляет собой еще и требование, выдвигаемое моральными субъектами по отношению друг к другу. Это объясняет и нормативность ТВ. Даже если верны все наши предшествующие рассуждения, все равно может оставаться вопрос: какие основания для моральной претензии может давать тот факт, что мы обоснованно ожидали от агента знания морально значимых обстоятельств? Помещение реактивных установок в более широкий контекст дает нам такие основания: это право личности требовать уважения к себе, которое предполагает и особое внимание к ней. ТВ предполагает, что личности важны, и человек, являющийся субъектом моральной ответственности, должен быть в состоянии контролировать свое внимание так, чтобы уделять требуемое его количество другим людям.

В-третьих, особое моральное значение внимания связано с тем, что взрослые люди могут контролировать распределение внимания, фокусировать его на определенных вещах²⁵. Контроль над вниманием – это факт современной когнитивной науки. Он развивается постепенно, с взрослением человека. Мы косвенно тренируем свое внимание, учимся концентрироваться на том, что важно, вопреки отвлекающим факторам.

Это немаловажно, так как моральная претензия в связи с невниманием к личности, предполагает возможность исправления того, как агент распределяет свое внимание. Представим себе робота, который настроен на поиск и анализ объектов определенного типа. Бессмысленно ругать его за то, что он не обращает внимания на другие объекты, это не приведет к тому, что он начнет это делать. В случае с личностями, мы предполагаем, что вменение МО, применение реактивных установок к агенту будет способствовать тому, что те принципы, по которым распределяется его внимание, изменятся.

²³ Darwall S. Respect and the second-person standpoint // *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 2004. Vol. 78. No. 2. P. 47.

²⁴ Ibid. P. 50.

²⁵ Баарс Б., Гейдж Н. Мозг, познание, разум. Т. 1. С. 420–427.

Говоря о контроле над вниманием, нужно обойти один грозный подводный камень: контроль, о котором идет здесь речь, – это не тот же самый контроль, который фигурирует в УК. На этом смещении, по-видимому, и стоит аргумент жесткой удачи Леви, и его обнаружение дает нам ответ на его критику понятия МО. В формулировке понятия релевантного контроля, в пункте (b) Леви говорит о контроле над психологическими состояниями: «Агент заслуживает порицания за действие только в том случае, если он или она заслуживает порицания за приобретение или сохранение психологических состояний». Если понимать под контролем в (b) тот тип контроля, который нужен для МО (а именно это следует из того, что пишет Леви), то требование (b) оказывается невыполнимым, а все определение вообще становится циклическим: понятие релевантного контроля определяется само через себя. Требование (b) само по себе можно признать вполне законным: действительно, для того, чтобы моральные претензии типа «Ты должен был знать то-то и то-то» были обоснованными, необходимо, чтобы агент имел некоторый контроль над своими психологическими состояниями, приведшими к незнанию. Но это должен быть контроль особого типа, который мы назовем в-контролем (контроль, применимый к вниманию).

В этой статье, к сожалению, нет места для подробного исследования понятие в-контроля. Вкратце можно сказать, что в-контроль – способность изменять паттерн распределения внимания. Представим себе, что я систематически не замечаю свою коллегу на работе. С ее стороны это вызывает недовольство, и она требует, чтобы я это исправил. При этом есть некоторый приемлемый набор средств для того, чтобы это сделать. Если я имплантирую себе в голову чип, который будет заставлять меня обращать на нее внимание, это не вполне удовлетворит ее требование как личности: оно состоит в том, чтобы я сам обращал на нее внимание. Этот путь контроля над вниманием будет неприемлемым. Возможно, мне нужно путем упражнения выработать у себя привычку внимательнее смотреть по сторонам и замечать других людей. Или я могу повторять про себя, когда иду на работу: «Не игнорируй коллег, не игнорируй коллег». Я могу изменить то, как распределяется мое внимание, и приемлемые способы изменения попадают под понятие в-контроля.

Наконец, мы можем ответить на вопрос, почему для приобретения базового знания необходимо внимание, почему его нельзя получить без его участия. Для того, чтобы агент мог нести МО за действия по незнанию, должно быть соблюдено одно условие: у агента должен быть определенный контроль над своими психологическими состояниями, ведущими к действиям. Если это условие не соблюдается, то срабатывает аргумент Леви и агент не несет МО за свои действия, которые проистекали из психологических состояний, им не контролировавшихся. Используемое нами определение внимания в качестве отличительной его черты выделяет именно возможность управлять своими когнитивными ресурсами, перенаправлять их. Из этого следует заключить, что внимание, понятое в самой общей форме, необходимо для получения базового знания, являющегося условием МО.

Заключение

Понятие ТВ открывает перед исследователем несколько перспективных путей дальнейшей работы. Во-первых, непроработанным моментом данного рассуждения остается понятие в-контроля. Эта статья должна была ввести само понятие ТВ, и на ее страницах обсудить в-контроль было затруднительно. Однако это – самое тонкое место всего рассуждения. Ведь, если у нас нет особого рода контроля над вниманием, то пункт (b) определения релевантного контроля Леви не может быть соблюден и его аргумент против МО работает.

Во-вторых, перспективным представляется исследование связи МО и сознания. Мы интуитивно согласны с тем, что сознание является условием МО, но почему это так? Ответ может состоять в том, что внимание – это постоянный спутник сознания, они не сопровождают друг друга только в очень редких случаях²⁶.

В-третьих, необходимо интегрировать требование внимания в более широкий эпистемологический контекст. Выше уже отмечалось, что возможным ответом на вызовы, возникающие в связи с действиями по незнанию, является привлечение инструментария эпистемологии добродетелей. ТВ может быть включено в это направление. Так, возникает вопрос, как именно внимание должно быть вовлечено в получение базового знания агентом? То, как агент распределяет свое внимание, может быть частью (или даже фундаментом) его интеллектуального и морального характера.

Список литературы

- Баарс Б., Гейдж Н. Мозг, познание, разум: введение в когнитивные нейронауки: в 2 т. / Пер. с англ. под ред. В.В. Шульговского. 5-е изд. М.: Лаборатория знаний, 2021.
- Беседин А.П. Клеши удачи Нила Леви против компатибилистских теорий моральной ответственности // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 3. С. 26–37.
- Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т. Этика и метафизика моральной ответственности // Этическая мысль / Ethical Thought. 2021. Т. 21. №. 2. С. 5–17.
- Cohen M.A., Chun M.M. Studying consciousness through inattentional blindness, change blindness, and the attentional blink // The Blackwell companion to consciousness / Ed. by S. Schneider and M. Velmans. Chichester: Wiley Blackwell, 2017. С. 539–550.
- Darwall S. Respect and the second-person standpoint // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 2004. Vol. 78. No. 2. P. 43–59.
- Ekstrom L.W. Free Will: A Philosophical Study. Boulder (CO): Westview Press, 2000. xi, 236 p.
- Levy N. Hard Luck: How luck undermines free will and moral responsibility. N.Y.: Oxford University Press, 2011. viii, 229 p.
- Responsibility: The epistemic condition / Ed. by J.W. Wieland and P. Robichaud. N.Y.: Oxford University Press, 2017. viii, 301 p.
- Rudy-Hiller F. The Epistemic Condition for Moral Responsibility // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2018 Edition) / Ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/moral-responsibility-epistemic/> (дата обращения: 22.08.2022).

²⁶ Cohen M.A., Chun M.M. Studying consciousness through inattentional blindness, change blindness, and the attentional blink // The Blackwell companion to consciousness. Chichester, 2017. С. 539–550.

Talbert M. Moral Responsibility // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2022 Edition) / Ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2022/entries/moral-responsibility/> (дата обращения: 22.08.2022).

Vargas M. The trouble with tracing // Midwest studies in philosophy. 2005. Vol. 29. No. 1. P. 269–291.

Attention as a condition for moral responsibility*

Artem P. Besedin

Lomonosov Moscow State University. 27/4 Lomonosovsky Prospekt, Moscow, 119234, Russian Federation; e-mail: a.besedin@hardproblem.ru

The article analyzes an epistemic condition for moral responsibility. The condition is taken in a dispositional form: the attribution of responsibility is appropriate only if the agent was in an epistemic position suitable for obtaining knowledge relevant to moral responsibility. The choice of a dispositional interpretation of the epistemic condition is justified with the help of four thought experiments showing that the actualist understanding of this condition is unacceptable. The main question of the article concerns this epistemic position. The article presents N. Levy's criticism of the concept of responsibility that rests on the thesis that we never find ourselves in the epistemic position required for moral responsibility. Two lines of response to Levy's criticism are briefly considered: the Reasonable Expectation Approach and the Attributionist Approach. With the help of the analysis of a thought experiment, the condition of basic knowledge of a morally significant situation is revealed. Further analysis of this condition exposes the condition of attention for moral responsibility. Attention refers to the ability to redirect one's cognitive resources to different tasks. The moral significance of attention is demonstrated: inattention as an excusing factor is investigated, the connection between attention and such phenomena of moral life as care and respect is shown. The article shows that the requirement of attention implies certain control over attention. The condition of attention provides an answer to Levy's criticism, according to which we have no control over the psychological states leading to actions. This is not the case since control of attention plays this role. In conclusion, the prospects for further research are discussed: the study of the concept of control over attention, the connection of moral responsibility and consciousness, and examination of the condition of attention in the context of virtue epistemology.

Keywords: moral responsibility, epistemic condition, attention, action from ignorance

For citation: Besedin, A.P. "Trebovanie vnimaniya dlya moral'noi otvetstvennosti" [Attention as a condition for moral responsibility], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 1, pp. 146–159. (In Russian)

References

- Baars, B. & Gage, N. *Mozg, poznanie, razum: vvedenie v kognitivnye neironauki* [Cognition, Brain and Consciousness: Introduction to Cognitive Neuroscience], 2 Vols., trans. into Russian, ed. by V.V. Shul'govskii, 5th ed. Moscow: Laboratoriya znaniy Publ., 2021. (In Russian)
- Besedin, A.P. "Kleshchi udachi Nila Levi protiv kompatibilistskikh teorii moral'noi otvetstvennosti" [Neil's Levy 'pincer of luck' argument against compatibilism about moral responsibility], *Vestnik RGGU, Seriya: Filosofiya, Sotsiologiya, Iskusstvovedenie*, 2021, No. 3, pp. 26–37. (In Russian)

* The research is supported by Russian Science Foundation, project No. 21-78-10044, "The phenomenon of moral responsibility", <https://rscf.ru/project/21-78-10044/>.

- Cohen, M.A. & Chun, M.M. "Studying consciousness through inattentional blindness, change blindness, and the attentional blink", *The Blackwell companion to consciousness*, ed. by S. Schneider and M. Velmans. Chichester: Wiley Blackwell, 2017, pp. 539–550.
- Darwall, S. "Respect and the second-person standpoint", *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 2004, Vol. 78, No. 2, pp. 43–59.
- Ekstrom, L.W. *Free Will: A Philosophical Study*. Boulder, CO: Westview Press, 2000. xi, 236 pp.
- Levy, N. *Hard Luck: How luck undermines free will and moral responsibility*. New York: Oxford University Press, 2011. viii, 229 pp.
- Loginov, E.V., Gavrilov, M.V., Mertsalov, A.V. & Yunusov, A.T. "Etika i metafizika moral'noi otvetstvennosti" [Ethics and metaphysics of moral responsibility], *Eticheskaya mysl' / Ethical Thought*, 2021, Vol. 2, No. 2, pp. 5–17. (In Russian)
- Rudy-Hiller, F. "The Epistemic Condition for Moral Responsibility", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2018 Edition)*, ed. by E.N. Zalta. [<https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/moral-responsibility-epistemic/>, accessed on 22.08.2022].
- Talbert, M. "Moral Responsibility", *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2022 Edition)*, ed. by E.N. Zalta. [<https://plato.stanford.edu/archives/fall2022/entries/moral-responsibility/>, accessed on 22.08.2022].
- Vargas, M. "The trouble with tracing", *Midwest studies in philosophy*, 2005, Vol. 29, No. 1, pp. 269–291.
- Wieland, J.W. & Robichaud, P. (eds.) *Responsibility: The epistemic condition*. New York: Oxford University Press, 2017. viii, 301 pp.